

Речь на выпускной церемонии Европейского университета

Считается, что современный человек умеет делать выбор. Сегодня общество таково, что оно требует от человека совершать выбор и делать это быстро, точно. Это связано с самим устройством современного общества. Рождением намертво задается только смерть, а все остальное не детерминировано, все можно выбирать: класс, профессию, место жительства и гражданство, религию и даже пол. Не говоря уже о разнообразии потребительского опыта, который способен привести в ступор даже отъявленного гедониста – вы наверняка видели людей, измученных выбором автомобиля или сорта вина. Иногда за минуту надо понять собственное предпочтение: рибай стейк, клуб стейк, сирлион стейк, филе-миньон, шатобриан, портерхаус, и т.д. Возможно, что умение выбирать, этот бессодержательный по своей природе навык, является главным навыком современного человека. Выбор ценен сам по себе. Сомнения старомодны.

В идеологии свободы, которая сводится к свободе выбора, присутствует иллюзия, что люди господствуют над обстоятельствами жизни, конструируют ее, что нет ничего финального и серьезного, что все обратимо. Казалось бы, это вполне подходящий оптимистичный сюжет для выпускной церемонии. Но это все очень скучно и совсем не драматично. Поэтому хотелось бы напомнить о таком аспекте жизни или о таком явлении, **где у человека выбора нет**, об обстоятельствах, в которых мы себя находим. Может быть находим именно благодаря этим обстоятельствам. Можно выбрать цвет ногтей, работу, место жительства, стиль, но **нельзя выбрать время**. Нельзя выбрать поколение, поколенческую когорту. Здесь все наоборот: история выбирает себе поколение, формируя людей под себя. То есть, живое историческое время создает события, которые штампуют коллективный опыт, общие ценности и нечто вроде общей судьбы. С этой точки зрения время приобретает мистический смысл – оно бросает вызов и когда этот вызов принимают люди в период вступления в активную жизнь, в свои 17-25 лет, создается поколенческая когорта. Это может быть неожиданное изменение, кризис, война, депрессия, или же новые возможности, в которых человек вынужден совершать свой выбор. Или наоборот – безвременье, эклектика, застой, стабильность, не создающие того яркого опыта, который только и придает поколенческой когорте и внутреннее единство, и яркое отличие от предшественников и последователей. Здесь есть риск стать потерянными поколением. Социолог Карл Мангейм писал о травматическом опыте, который связывает массу людей, актуализируя поколение. Так вот, мы не выбираем поколение и не знаем до определенного момента, в какой поезд мы сели и куда в итоге приедем.

История неравномерно и непредсказуемо распределяется по биологическому потоку жизни людей. Стандартное поколение – это интервал годов рождений с разницей в 7-10 лет, но оно возникает, когда большое событие типа войны, кризиса или наоборот, бума «падает» на людей. Это событие, конечно, всегда застанет 18-25 летний материал для штамповки в нечто яркое и внутренне единое, но не каждые 18-25 летние словят социальные потрясения или возможности, дающие право впоследствии называться поколением. Они могут попросту стать обывателями периода застоя.

Есть интересное рассуждение американского историка Шейлы Фитцпатрик о том, что советская система – ее ядро – это траектория одного поколения, получившего образование и формировавшееся во время первых сталинских пятилеток и великого перелома начала тридцатых. Оно заняло руководящие посты после чисток и репрессий конца 1930х в возрасте около тридцати, прошло войну на средних руководящих постах, отодвинуло сталинскую когорту в 1950х и заняло ее место наверху, а потом состарилось вместе в брежневском политбюро к восьмидесятым годам. Как только они начали уходить, СССР был обречен, т.к. другая яркая когорта, «шестидесятники», сформировавшаяся на опыте свободы и десталинизации конца пятидесятых, не было интегрировано в систему власти и готово было ее менять. Поколение шестидесятников – это по сути, все лучшее, что было в советской культуре. Но это было поколение компромиссов, и уход в культуру и науку самых ярких представителей поколения был одним из таких компромиссов. А во власть пошли посредственностями и мы о них даже не помним. Кроме одного.

Я не могу отрефлексировать поколение девяностых – потому что еще не вполне ясно, как развал СССР и всей системы плюс новые возможности, которые он открыл, повлияли на людей. На такой короткой дистанции не ясно, где именно история прочертила межпоколенческие границы. То есть на каких годах рождения поколение девяностых началось и на каких закончилось. Кто оказался в этом вагоне. Но может быть в отношении девяностых такая поставка не вполне корректна.

Можно сделать несколько наблюдений. При более близком рассмотрении в социальном времени можно обнаружить **когорты возможностей**, назовем их так. Это более мелкое дробление, чем поколения. Когорты возможностей - это люди, которые объединены тем, что на определенный момент в их жизни, примерно совпадающий с моментом, когда человек принимает решение кем быть, куда податься, или как реализовать амбиции, вот к этому моменту на некоторое время открываются некие возможности, своего рода просветы, в которые устремляются те, кто их заметил и примерил на себя. Потом эти возможности закрываются, но

открываются другие – а в новый просвет уже устремляются другие. Такой возможностью очевидно была приватизация 1992-95 гг., которая призвала определенный контингент – проявив активность и рискнув, можно было стать собственником помещения на Невском или доли в крупном предприятии, причем не за деньги, а, в основном, за энергию. А потом уже такого не было, но было что-то другое и была другая когорта возможностей. Когда я изучал бандитов, то наиболее частые, в разы более частые года рождения членов ОПГ были 67, 68, 69, 70 й, это был явно такой призыв, пришедшийся на 89-92 гг, когда им было по 20-22 года и у них был определенный капитал – это не высшее образование, а армия или спорт. В другое время их карьеры бы сложились совсем по-другому, а в тот момент они ринулись в оргпреступность. Сейчас эта когорта возможностей либо на кладбище, либо в тюрьме, либо скромно доживает в мелком бизнесе, хотя ее след в культуре трудно не заметить.

В самом конце 1980х, году в девяностом уже были возможности для того, чтобы выпускники Ленинградского университета перешли работать в органы государственной власти – например, в Ленгорисполком, потом в мэрию. В итоге, например, сформировалась группа питерских, которая потом была трансплантирована в Москву в правительство в 2000 г., в числе которых были однокурсники по экономическому факультету, закончившие его в 1983 г. – Кудрин, Илларионов, Южанов. А чуть позже, в 1990-1993 гг. открылась другое окно возможностей – ехать учиться за границу, русским давали стипендии, поступить было легче, чем сейчас, и большое количество тех, кто закончил вузы в 1985-1989 гг к в девяностые оказались в зарубежных аспирантурах. К середине девяностых этот поток прекратился.

То есть при более близком рассмотрении, во времена кризисов и перемен формируются когорты возможностей, которые дифференцируют общество и определяют биографии людей.

Научившись делать выбор и даже освоив его как абстрактную науку, надо понимать, что мы не выбираем время, а часто – и обстоятельства, которые тоже выбирают нас или ограничивают доступный набор вариантов. Поэтому очень важно быть готовым к неопределенности, к тому, что интенциональные проекты могут не реализоваться. Очень хотелось бы надеяться, что Европейский университет учит тому, как действовать в неопределенности.

Но есть и другая сторона. Членство в поколенческой когорте дает возможность творить историю. Когорта готовится, штампуются в молодом возрасте, но потом может выйти на историческую сцену и что-то там сделать, хорошее или плохое. И чем более интенсивный опыт история заставила людей пережить, тем более

способна эта когорта на коллективное действие, на роль субъекта. Нет когорты – нет движения. И нет новых просветов и возможностей, которые бы запускали процесс перемен.

Что можно сказать выпускникам ЕУСП? Может, повезет, а может, и нет. Ощущение такое, что радикальные перемены могут произойти, но может быть и 12 лет застоя.

Фатальность, присущая феномену поколения, может обернуться неожиданными возможностями, шансом творить историю. Хочется верить, что ЕУСП этому тоже учит. Если будет длительный застой – что ж, не повезло. Время не выбирают. Но если обстоятельства в ближайшие годы сложатся так, что российское общество придет в движение, то хочется пожелать выпускникам, чтобы они не оставались в стороне. И чтобы все же повезло с временем, которое выберет вас.

В. Волков

24.06.2011